

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КИЧИГИНО I В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Н. А. Берсенева,

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Российская Федерация,
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация*

Статья посвящена гендерно-возрастному анализу женских погребений могильника эпохи раннего железа Кичигино I в Южном Зауралье. На памятнике исследовано 10 курганов, содержащих захоронения с VII в. до н. э. по II—IV вв. н. э. В курганах было захоронено не менее шести женщин, погребения различной степени сохранности. Пять погребений снабжены антропологическими определениями. Возраст умерших от 25—35 до 45—55 лет. Погребения характеризуются разнообразием погребального инвентаря, который включал многочисленные украшения, в том числе из золота, предметы культа, быта и вооружения. Наибольший интерес представляют три захоронения из кургана 3, все относящиеся к раннесарматскому периоду (IV в. до н. э.). В двух из них (могильные ямы 3 и 4) обнаружены крупные колчаные наборы стрел с бронзовыми наконечниками. В третьем погребении (могильная яма 5) содержались предметы, свидетельствующие о высоком статусе погребенной: золотые украшения в зверином стиле, бронзовая посуда и предметы культа (?). В целом, женские погребения могильника Кичигино I хорошо вписываются в контекст погребального ритуала ранних кочевников Южного Урала как по инвентарю, так и по способу захоронения умерших.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, женские погребения.

Женские погребения ранних кочевников Евразии привлекают внимание ученых всего мира уже много лет. Проблема интерпретации захоронений так называемых «амазонок» десятилетиями не сходит с повестки дня и судя по всему, будет интриговать исследователей еще долго. В последнее время были опубликованы работы, посвященные сравнению и характеристике инвентарных наборов мужских и женских погребений савроматского периода Южного Урала [1] и сарматских захоронений Поволжья и Дона [2—4]. Необходимо также отметить попытку реконструкции социальных ролей женщин ранних кочевников на основании анализа погребальных данных [5]. В 2015 году вышла первая крупная работа, посвященная половозрастной структуре сарматского населения Нижнего Поволжья [6]. Однако, количество палеосоциальных исследований все еще остается недостаточным, и ситуация серьезно осложняется тем, что объем материалов раскопок без антропологических определений скелетных останков все еще перевешивает объем материалов с антропологической идентификацией. Тем не менее, ситуация значительно улучшилась за последние 30 лет и, учитывая солидные объемы накопленных данных, в настоящее время появилась возможность полноценного гендерно-возрастного анализа погребальных памятников ранних кочевников Урала и Поволжья.

Целью настоящей работы является гендерно-возрастной анализ инвентаря женских погребений могильника Кичигино I в Южном Зауралье.

Курганный могильник эпохи раннего железа Кичигино I, находившийся в Увельском районе Челябинской области, исследовался в 2006—2010 гг. экспедицией Южно-Уральского университета под руководством А. Д. Таирова и С. Г. Боталова. На

памятнике исследовано 10 курганов, содержащих захоронения с VII в. до н. э. по II—IV вв. н. э. Материалы памятника частично опубликованы [7—9].

Источники

В курганах было захоронено не менее шести женщин, четыре погребения относятся к раннесарматской эпохе — IV в. до н. э. и еще два — к более раннему («савроматскому») периоду (II половина VI—V вв. до н. э.). Одно захоронение ограблено, поэтому его трудно назвать информативным: женщина была одной из пяти погребенных в центральном захоронении кургана 4. Возраст умершей установить не удалось, но среди инвентаря было обнаружено два бронзовых зеркала и каменный жертвенник, которые могли входить в состав ее погребального инвентаря [9, с. 161].

Четыре погребения (курган 2, могильная яма 7; курган 3, могильные ямы 3 (погребение 2) и 5; курган 5, могильная яма 2 (погребение 2)) снабжены антропологическими определениями пола и возраста, выполненными Е. П. Китовым¹.

Четыре непотревоженные женские захоронения были обнаружены в курганах 2 и 3. Следует оговориться, что одно из них (курган 3, могильная яма 4) является женским предположительно и отнесено к этой категории на основании анализа сопроводительного инвентаря. Кости скелета, несмотря на то что он не был потревожен, оказались плохой сохранности. Инвентарь представлен украшениями и предметами вооружения. На шее умершей находилась железная гривна, обернутая серебряной фольгой и ожерелье из крупных стеклянных бусин. Две серебряные височные подвески были найдены

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

в области черепа, руки украшали бронзовые браслеты. За головой женщины находились бронзовое зеркало, керамическое пряслице, костяные ложечки (?) плохой сохранности, железные ножичек (?) и шило. Слева от ног умершей был положен кожаный колчан, который содержал 122 бронзовых наконечника стрел. Ансамбль дополняли гончарный сосуд, передняя нога и грудинка барана.

Самым ранним женским погребением является погребение в кургане 5. Это впускное парное захоронение в курган раннесакского времени. Оно, в свою очередь, было частично разрушено раннесредневековым погребением. В парном погребении были обнаружены частично неповрежденные скелеты женщины 35—45 лет и подростка, судя по инвентарю (узда, железный кинжал и колчан со стрелами), мужского пола. Умершую женщину сопровождало бронзовое зеркало, каменный жертвенник на четырех ножках, и керамическое пряслице. В ногах погребенных, на дне ямы близ восточной стенки были расчищены развалы четырех сосудов и большое количество костей животных.

Погребенная в кургане 2 (молодая женщина возрастом 25—35 лет) была захоронена в сопровождении двух сосудов, ритуально (?) разбитого бронзового зеркала, керамического пряслица и украшений. Последние представлены браслетами и височными подвесками из белого золота; на шею умершей находилось ожерелье из 17 крупных бусин из стекла, агага, сердолика и кости.

Погребение 2 в могильной яме 3 кургана 3 принадлежало женщине 30—40 лет. При его устройстве было повреждено более раннее мужское захоронение (погребение 1). Еще не разложившееся тело мужчины было сложено пополам и оставлено на ступеньке при рытье более глубокой ямы для умершей женщины. Погребенную сопровождало значительное количество инвентаря. На шею была надета гривна из медной проволоки, обернутой серебряным листом, вторая гривна, обернутая золотым листом, располагалась на коленях. На эту гривну были надеты две височные подвески в полтора оборота. В головах умершей найдены железный ножичек, бронзовый наконечник стрелы, кусочек мела, костяная ложечка, бронзовое полукольцо с заостренными окончаниями (браслет?) и остатки деревянного предмета с железными скрепками. Рядом с костями левой руки лежал кожаный колчан, в котором находились 148 стрел с бронзовыми наконечниками.

Погребение в могильной яме 5 принадлежало женщине пожилого возраста 45—55 лет. Одежда покойной (рукава и верх костюма) была расшита стеклянным бисером, руки украшены браслетами (бронзовая основа, обернутая золотым листом) и низками бус. На палец правой руки было надето два спиральных многовитковых кольца из золотой проволоки. На палец утраченной левой руки было надето такое же кольцо. На шею женщины находилась гривна с зооморфными окончаниями в виде лежащих кабанов, изготовленная из бронзы и покрытая золотым листом. В районе плеча расчищено бронзовое зеркало в кожаном чехле. В остатках чехла были найдены человеческий зуб и кусочек мела, а рядом — кусочек горного хруста-

ля. В ногах умершей стоял небольшой бронзовый котелок с носиком, на коническом поддоне. Ниже кисти правой руки обнаружены каменный оселок, железные ножи и шило, а также костяная ложечка плохой сохранности.

Коснемся теперь особенностей конструкции и пространственной локализации женских погребений в кургане. Все захоронения являются периферийными или впускными, за исключением центральной погребальной камеры в кургане 4 (яма 5). Однако, в последнем случае, могильная яма не предполагалась исключительно для женщины, поскольку там нашли место последнего упокоения минимум пять индивидов, среди которых были два мужчины, еще один взрослый, пол которого не удалось установить, и ребенок [9, Table 1].

Конструктивные особенности ям довольно разнообразны для столь небольшой выборки. Центральное погребение в кургане 4 представляло собой деревянное сооружение размерами 6 × 3 м на уровне древней поверхности (глубина 1,16 м от верха насыпи). Могильная яма 7 в кургане 2 являлась катакомбой, размеры камеры которой составляли 0,70 × 1,90 м, а глубина — 1,05 м от уровня материка. В кургане 3 могильные ямы 3 и 4 имели в стенках подбой с деревянным закладом. Размеры камер и глубина их не сильно отличаются (1,12 × 1,95 м при глубине от уровня материка 1,03 м и 1,07 × 2,22 м при глубине 0,9 м от уровня материка соответственно). Погребение 5 в кургане 3 было устроено в простой яме размерами 2,65 × 1,45 м, глубиной 0,55 м от уровня материка, каких-либо деревянных конструкций не сохранилось. Вероятно, это было погребение в подбое. Входная яма частично прорезала деревянную конструкцию кургана, а погребальная камера находилась под сохранившейся деревянной конструкцией. В могильной яме 2 кургана 5 были зафиксированы остатки деревянного перекрытия. Оригинальные размеры ямы установить не удалось, глубина составляла 0,6—0,7 м от уровня материка.

Все погребенные были уложены на спину, головой в южный сектор, за исключением могильной ямы 2 в кургане 5, где умершая была положена головой на северо-запад.

Гендерно-возрастной анализ и анализ погребального инвентаря

Возраст смерти покойных, как уже отмечалось, был антропологически установлен для четырех женщин (см. табл.). Самой младшей из погребенных на момент смерти было от 25 до 35 лет, самой старшей 45—55 лет. Две другие умерли после 30 лет, но не дожили до 45. Иными словами, все умершие достигли среднего или пожилого возраста.

Обратимся к анализу сопроводительного инвентаря. Размещение артефактов в погребении по гендерному признаку является одним из немногих хорошо фиксирующихся археологически аспектов. В мировой археологии и этнографии известно множество примеров, когда гендер погребенного символизировался в погребальной сфере через определенные сопроводительные предметы или/и их сочетание. Как правило, эти предметы ассоциируются с конструкцией «женственности» или

Характеристика погребений могильника Кичигино I

Курган, погребение	Датировка	Возраст смерти в годах	Сохранность погребения	Ансамбль артефактов
Курган 2, яма 7	IV в. до н. э.	25—35	не потревожено	украшения
Курган 4, яма 2	II половина VI — V вв. до н. э.	нет	ограблено	—
Курган 5, яма 2, погребение 2	II половина VI — V вв. до н. э.	35—45	не потревожено частично	украшения
Курган 3, яма 4	IV в. до н. э.	нет	не потревожено	украшения + оружие
Курган 3, яма 5	IV в. до н. э.	45—55	не потревожено	украшения
Курган 3, яма 3, погребение 2	IV в. до н. э.	30—40	не потревожено	украшения + оружие

«мужественности», принятой в обществе, и могут символизировать роли, исполняемые индивидами различного пола.

Для гендерного анализа погребального инвентаря автором данной статьи была адаптирована методика, предложенная С. Люси [10, р. 150—168]. Вкратце она заключается в следующем: каждое погребение рассматривается как «ансамбль», где погребенный и сопровождающие его предметы находятся в контексте, а не в изоляции друг от друга. Для каждого погребенного определялся его «ансамбль». Всего было выделено пять ансамблей: «оружие», «украшения», «украшения + оружие», «нейтральный» и «без инвентаря». При наличии предметов вооружения ансамбль определялся как «оружие», при наличии большого количества украшений и отсутствии оружия — «украшения». При этом, единичные бусины или наконечники стрел не учитывались. Если присутствовали и предметы вооружения, и украшения — это соответствовало ансамблю «украшения + оружие». В случае, если погребенного не сопровождали украшения или оружие — погребению присваивался «нейтральный» ансамбль. При анализе учитывались лишь непотревоженные или частично непотревоженные погребения с установленным биологическим полом. Гендерно-стереотипными полагались погребения женщин с большим количеством украшений и мужчин с предметами вооружения.

Сопроводительный инвентарь был обнаружен во всех женских погребениях могильника Кичигино. Ансамблей «без инвентаря» или «нейтральный» зафиксировано не было, как и ансамбля «оружие» в чистом виде. Несмотря на разнообразие предметов, прослеживается ряд закономерностей (см. табл.).

Во всех женских погребениях, за исключением ограбленной центральной гробницы в кургане 4, содержались украшения. Самые распространенные из них — бусины или изделия из них (браслеты, ожерелья). Для расшивки одежды применялся мелкий стеклянный бисер. Далее по степени встречаемости следуют шейные гривны и браслеты (в трех погребениях из четырех непотревоженных). В двух случаях были обнаружены височные кольца, и в одном — три золотых перстня. Зависимость между возрастом умерших и количеством/богатством украшений на такой скромной выборке с уверенностью проследить нельзя, но примечательно, что самое «богатое», содержавшее золотые украшения в зверином стиле

принадлежало наиболее пожилой из погребенных, женщине 45—55 лет.

Интересной особенностью могильника является наличие двух женских (из них одно — предположительно женское) захоронений с оружием в одном кургане (курган 3, погребения 3 и 4). В обоих случаях, оружие представлено колчанами, включавшими 122 и 148 стрел с бронзовыми наконечниками. Колчаны располагались слева от тел, в яме 3 — рядом с кистью умершей, в яме 4 — в области ног. Необходимо еще раз подчеркнуть, что весь остальной инвентарь данных погребений вполне соответствовал женскому гендеру покойных — это украшения (гривны, ожерелья, височные подвески и браслеты), а также бронзовое зеркало, шило, керамическое пряслице и костяные ложечки.

Инвентарь, не относящийся к предметам вооружения или украшениям, представлен довольно стандартными для савромато-сарматского периода категориями. Так, в женских и предположительно женских захоронениях в целом обнаружено шесть бронзовых зеркал разной степени сохранности, два каменных жертвенника, три керамических пряслица, железные шилья, ножи и костяные ложечки. В погребении 5 кургана 3 был найден небольшой бронзовый котелок на поддоне, с носиком. Кроме того, посуда в женских погребениях представлена лепной керамикой, гончарным и остатками деревянного сосуда. В трех погребениях обнаружены кости животных, преимущественно мелкого рогатого скота (барана).

Как уже отмечалось выше, женские погребения могильника относятся к двум периодам «савроматскому» и «раннесарматскому» (прохоровскому) (см. табл.). Два ранних, «савроматских» погребения потревожены, но представляется, что их инвентарь был вполне стандартен для этого периода — каменные жертвенники, зеркала и пряслица. Частым элементом являлась лепная посуда и кости мелкого рогатого скота.

Погребения следующего периода более разнообразны. Среди них — два погребения с предметами вооружения (погребения 3 и 4 кургана 3). Их размещение в одном погребальном комплексе является интересной особенностью могильника. Женские захоронения с оружием составляют, по разным подсчетам, около 17 % всех известных сарматских женских погребений Уральского региона [5, с. 68], но несколько таких могильных ям под одной

насыпью располагаются довольно редко, подобные случаи зафиксированы лишь в могильниках Мечетсай и Шумаевский II. Еще одной особенностью можно считать очень серьезное количество стрел в колчанах из Кичигино (122 и 148 экземпляров) — это, пожалуй, самые крупные колчаные наборы из сарматских женских погребений в Волго-Уральском регионе.

С женским захоронением 3 в кургане 3 связан еще один любопытный факт — в процессе его сооружения было разрушено мужское погребение совершенное незадолго до этого. Еще не разложившееся тело мужчины было просто сложено пополам и оставлено на приступке при углублении могильной ямы. Нарушение «своих» же, то есть, сарматских погребений не является редкостью для ранних кочевников, но здесь мы видим пример уничтожения совсем свежего захоронения. Зачем нужно было разрушать уже существующее погребение, очевидно, заметное на поверхности, если можно было выкопать новую яму? Трудно подыскать объяснение происшедшему, можно лишь предположить, что умерший мужчина принадлежал к другому роду, уже покинувшему данную территорию, ведь мы имеем дело с подвижным населением. Так или иначе, этот вопрос требует специального исследования, не предусмотренного целями данной статьи.

Женское погребение в могиле 5 кургана 3 является наиболее впечатляющим по составу и качеству погребального инвентаря. Женщина дожила до преклонных по тем временам лет — 45—55 на момент смерти. Интригующе непонятными выглядят человеческий зуб и кусочек мела, найденные в остатках чехла от зеркала и кусочек горного хрусталя. Примечательно также отсутствие оружия в погребении. Судя по сопровождавшим женщину золотым и бронзовым предметам, ее вертикальный социальный статус был выше среднего.

В целом, тезис о высоком социальном положении женщин в коллективах ранних кочевников является общепринятым в науке, более того, именно женщины обычно рассматриваются как ритуальные специалисты — жрицы, шаманки, татуировщицы [11]. Последнему тезису есть ряд подтверждений в материалах раскопок, но систематическое изучение подобных погребений еще предстоит выполнить. На данном этапе исследования лишь очевидно, что погребенная в могиле 5 пожилая женщина занимала влиятельную социальную позицию и, возможно, имела отношение к отправлению культов.

Заключение

Заключая характеристику женских погребений могильника Кичигино I, следует отметить, что эти погребения в целом хорошо вписываются в контекст погребального ритуала ранних кочевников Южного Урала как по инвентарю, так и по способу захоронения умерших. Среди особенностей следует отметить отсутствие женщин, умерших до достижения возраста 25 лет, то есть, средний или пожилой возраст покойных. Не совсем обычными выглядят два индивидуальных женских захоронения под одной насыпью с крупными колчанными наборами.

Интерпретация погребения пожилой женщины с богатым инвентарем и ритуальными (?) предметами представляет несомненный интерес, но нуждается в привлечении широкого круга источников и задает тем самым направление будущих исследований.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00205.

Литература и источники

1. Стрижак, М. С. К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «сарматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / М. С. Стрижак // *Нижево-уральский археологический вестник*. — 2006. — Вып. 8. — С. 35—49.

2. Багаутдинов, Р. С. Мужской и женский наборы вещей у кочевников Самаро-Уральского региона в VI—IV вв. до н. э. / Р. С. Багаутдинов, В. Н. Мышкин // *Вестник СамГУ*. — 2013. — № 2 (103). — С. 44—48.

3. Багаутдинов, Р. С. К проблеме исследования мужских возрастных групп у кочевников Самаро-Уральского региона (по материалам могильников VI—IV вв. до н. э. / Р. С. Багаутдинов, В. Н. Мышкин / *Вестник СамГУ*. — 2013. — № 8/2 (109). — С. 7—12.

4. Вдовченков, Е. В. Мужское и женское в погребальном обряде и обществе сарматов Подонья / Е. В. Вдовченков // *Преподаватель XXI века*. — 2013. — № 4. — С. 287—294.

5. Гильмитдинова, А. Х. Социальные роли женщин в обществе ранних кочевников Южного Урала / А. Х. Гильмитдинова // *Константин Федорович Смирнов и актуальные проблемы сарматской археологии: материалы IX междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К. Ф. Смирнова*. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. — С. 66—69.

6. Балабанова, М. А. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология / М. А. Балабанова, В. М. Клепиков, Е. А. Коробкова, М. В. Кривошеев и др. — Волгоград: Изд-во ВГУ, 2015. — 272 с.

7. Таиров, А. Д. Комплексы раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье / А. Д. Таиров // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. — Алматы: Бегазы-Тасмола, 2015. — С. 300—319.

8. Таиров, А. Д. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) / А. Д. Таиров, С. Г. Боталов, М. Л. Плешанов // *Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий»*. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. — С. 139—145.

9. Loyer, J. *Bioarchaeology and Burial rituals of the Iron Age Nomads from South Ural: first results of the study of the kurgan 4 from Kichigino I cemetery (Russia)* / J. Loyer, A. D. Tairov, S. Rottier, P. Courtaud // *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. — Челябинск: Рифей, 2013. — С. 157—166.

10. Lucy, S. J. *Housewives, warrior and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials* / S. J. Lucy // *Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*. — London; New York: Leicester University Press, 1997. — P. 150—168.

11. Yablonsky, L. T. *The Discovering of a Sarmatian Tattoo Toolkit in Russia* / L. T. Yablonsky // *Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing*. — Washington: University of Washington Press, 2017. — P. 215—230.

БЕРСЕНЕВА Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация); научный сотрудник НОЦ евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: bersnatasha@mail.ru

Поступила в редакцию 25 августа 2020 г.

DOI: 10.14529/ssh200404

FEMALE BURIALS OF THE KICHIGINO I CEMETERY IN THE FRAMEWORK OF THE BURIAL RITE OF THE SOUTH URAL EARLY NOMADS

*N. A. Berseneva, bersnatasha@mail.ru,
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

The article concerns female burials in the Early Iron Age cemetery Kichigino I. In total, 10 kurgans were investigated. The mounds contained burials dated from 7th to 2nd–4th centuries BC. At least seven women were buried in the kurgans. There were burials of varying degree of preservation. Five burials were provided with anthropological identification. The age of the buried at the time of death is from 25–35 to 45–55 years old. Grave goods included numerous ornaments, including gold jewelry, ritual and domestic items and weaponry. Three burials from mound 3, all related to the Early Sarmatian period (4th century BC), were especially interesting in terms of grave goods. Large quiver sets of arrows with bronze heads were found in two graves (pits 3 and 4). Items of the high social status (gold ornaments in the animal style, bronze vessel and ritual things) were discovered in grave 5. In general, female burials from the cemetery Kichigino I fit well into the context of the funeral ritual of the Southern Ural early nomads both in terms of grave goods and the way of disposal of the dead.

Keywords: South Urals, early nomads, female burials.

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-09-00205.

References

1. Strizhak, M. S. K voprosu o differenzirovaniy zhenskikh i muzhskikh kompleksov v "savromatskoi" kul'ture na territorii Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya [On the issue of differentiating female and male complexes in the "Savromat" culture in the territory of the South Urals and Lower Volga] / M. S. Strizhak // *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin]. — 2006. — Vol. 8. — P. 35–49.
2. Bagautdinov, R. S. Muzhskoi i zhenskii nabory vetchei u kochevnikov Samaro-Uralskogo regiona v VI — IV vv. do n. e. [Male and female sets of artefacts from the nomads of the Samara-Ural region in the 6th — 4th centuries BC] / R. S. Bagautdinov, V. N. Myshkin // *Vestnik SamGU* [The Bulletin of the Samara State University]. — 2013a. — No. 2 (103). — P. 44–48.
3. Bagautdinov, R. S. K probleme issledovaniya muzhskikh vozrastnykh grupp u kochevnikov Samaro-Uralskogo regiona v VI — IV vv. do n. e. [Towards the problem of studying male age groups in nomads of the Samara-Ural region (based on materials from burial grounds of the 6th — 4th centuries BC)] / R. S. Bagautdinov, V. N. Myshkin // *Vestnik SamGU* [The Bulletin of the Samara State University]. — 2013b. — No. 8/2 (109). — P. 7–12.
4. Vdovchenkov, E. V. Muzhskoe i zhenskoe v pogrebal'nom obryade i obshchestve sarmatov Podon'ya [Male and female things in the funeral rite and society of the Sarmatians of the Don region] / E. V. Vdovchenkov // *Prepodavatel XXI veka* [The Teacher of the 21st century]. — 2013. — No. 4. — P. 287–294.
5. Gilmitdinova, A. Kh. Sotsialnye roli zhentshin v obshchestve rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [Female social roles in the South Ural nomadic society] / A. Kh. Gilmitdinova // *Konstantin Fedorovich Smirnov i aktual'nye problemy sarmatskoi arkheologii. Mat-ly IX mezhdunar. nauch. konf. "Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii", posvyatschennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya K. F. Smirnova* [Konstantin Fedorovich Smirnov and current problems of Sarmatian archeology. Materials of the international scientific conf. "Problems of Sarmatian Archeology and History" dedicated to the 100th birthday of K. F. Smirnov]. — Orenburg: OGPU, 2016. — P. 66–69.
6. Balabanova, M. A. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzhya: pogrebal'naya obryadnost' i antropologiya* [Age and gender structure of the Sarmatian population in the Lower Volga region: funeral rite and anthropology] / M. A. Balabanova, V. V. Klepikov, E. A. Korobkova, M. V. Krivosheev, E. V. Pererva, A. S. Skripkin. — Volgograd: VGU, 2015. — 272 p.
7. Tairov, A. D. Kompleksy rannesakskogo vremeni kurgana 5 mogil'nika Kichigino I v Yuzhnom Zaural'e [Early Saka complexes from kurgan 5 of Kichigino I burial ground in the Southern Trans-Urals] / A. D. Tairov // *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontexte izucheniya etnosozial'nykh i kul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii* [Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnoscocial and cultural processes of Eurasia]. — Almaty: NIZIA «Begazy-Tasmola», 2015. — P. 300–319.
8. Tairov, A. D. Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Kichigino v 2007 godu (predvaritel'nye rezultaty) [Research of the Kichigino burial ground in 2007 (preliminary results)] / A. D. Tairov, S. G. Botalov, M. L. Pleshanov // *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona. Mat-ly mezhdunar. nauch. konf. "Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveishikh*

arkheologicheskikh otkrytii” [The early nomads of the Volga-Ural region. Materials of the international scientific conf. “The early nomads of the Southern Zis-Urals in the light of the latest archaeological discoveries”]. — Orenburg: OGPU, 2008. — P. 139—145.

9. Loyer, J. Bioarchaeology and Burial rituals of the Iron Age Nomads from South Ural: first results of the study of the kurgan 4 from Kichigino I cemetery (Russia) / J. Loyer, A. D. Tairov, S. Rottier, P. Courtaud // *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic relations in the Southern Urals]. — Chelyabinsk: Rifei, 2013. — P. 157—166.

10. Lucy, S. J. Housewives, warrior and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials / S. J. Lucy // *Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology*. — London and New York: Leicester University Press, 1997. — P. 150—168.

11. Yablonsky, L. T. The Discovering of a Sarmatian Tattoo Toolkit in Russia / L. T. Yablonsky // *Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing*. — Washington: University of Washington Press, 2017. — P. 215—230.

Received August 25, 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Берсенева, Н. А. Женские погребения могильника Кичигино I в контексте особенностей погребального обряда ранних кочевников Южного Урала / Н. А. Берсенева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2020. — Т. 20, № 4. — С. 24—30. DOI: 10.14529/ssh200404

FOR CITATION

Berseneva N. A. Female burials of the Kichigino I cemetery in the framework of the burial rite of the South Ural early nomads founded? *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2020, vol. 20, no. 4, pp. 31—36. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh200404